

Иннокентий Анненский. Об эстетическом отношении Лермонтова к природе

Серия "Литературные памятники" Иннокентий Ф.Анненский, М., "Наука", 1979
OCR Бычков М.Н.

Милостивые государи! Речь моя посвящена памяти Лермонтова. На школе лежит долг хранить и поддерживать память о родных поэта. Неблагодарность есть недостаток самосознания. Для русской школы имя Лермонтова не только одно из немногих классических имен, но и неотразимо симпатичное имя. Есть в лермонтовской поэзии особенное, педагогическое обаяние: ей одной свойственна та чистота, почти кристальность изображения, какую мы встречаем в пьесах "Ангел", "Три пальмы", "Молитва", "Ветка Палестины". Боденштедт сказал, что если бы от Лермонтова осталась одна только "Песня про купца Калашникова", этого было бы довольно для его славы {1}; я убежден, что если бы от нашего поэта остались только эти четыре стихотворения, без которых теперь не обходится ни одна хрестоматия, то русская школа все-таки поминала бы его имя с почетом и благодарностью. Говорить о Лермонтове всего естественнее в эти дни, когда память о нем ожила среди нас, благодаря пятидесятилетию со дня его смерти, и сотни тысяч книг с его именем, портретом, стихами хлынули по всей России такой благодатной волной.

Приемы современной истории литературы неблагоприятны для эстетического изучения поэзии. Как ни важна биография поэта, но в ней, к несчастью, минуты, "когда божественный глагол до слуха чуткого коснется" {2}, тонут в тех годах, когда "меж детей ничтожных мира / Быть может, всех ничтожней он" {3}. Крупнейший представитель исторического метода Тэн {4}, этот натуралист от литературы, порвал с эстетикой и почти уничтожил самый термин "поэзия": он вдвинул поэтов в ряды литераторов. Еще дальше от поэзии как искусства отвлекает работающих сравнительный метод: тут все силы направлены на исследование сюжетов и мотивов, на литературные влияния и заимствования - литература изучается экстенсивно. Третье новейшее направление, так называемое научно-критическое, ставит себе задачей познать писателя и его произведения на основании влияния его на общество - здесь поэзия уже совсем сошла с подмостков и вместе с литературой низведена на степень народного чтения. Детальное изучение произведений - филологическое, эстетическое, психологическое - силою вещей отходит таким образом на второй план. У нас его почти нет. Точностью текстов поэта дорожат мало и забывают, что у поэта не наше слово - знак, а художественное слово - образ. Стоит только напомнить, что наша поэзия, поэзия мировая, насчитывает всего три критических издания {5} и что ни один из русских поэтов не имеет (сколько-нибудь полного) словаря, как древние классики или Дант, Шекспир, Мольер, Гете - на Западе. Равнодушие к эстетике почти похоронило детальное изучение произведений, в читателях оно ослабило литературный вкус, для поэтов понизило ценз. И вот, когда случай заставит на некоторое время пристально сосредоточить внимание на поэте, невольно пожалеешь о том времени, когда Лессинг был театральным критиком, Шиллер - законодателем эстетики или когда Sainte-Beuve {6}, запираясь от всех, жил и дышал в атмосфере изучаемого им писателя. Я не говорю уже о той роскоши, когда сам поэт, как Кардуччи {7}, комментирует Данта и издает Петрарку или когда Леопарди {8} издает оды с собственными филологическими примечаниями.

Для меня поэзия - прежде всего искусство. В этом ее обаяние, неувыдаемость ее славы и ее трагизм.

Поэты - люди особой породы.

Творец из лучшего эфира
Соткал живые струны их {9}.

Провиденциальное назначение поэта - в переживании сложной внутренней жизни, в беспокойном и страстном искании красоты, которая должна, как чувствует это поэт, заключать в себе истину. Эти искания, в их дисгармонии с прозой жизни, заставляют поэта страдать.

Что без страданий жизнь поэта? {10}

Но его слеза - "жемчужина страданья" {11}. Из нее рождаются элегии.

Стихия поэта - природа и духовная независимость. Как человек, поэт, конечно, подчинен общим этическим законам, но смешно налагать на него обязанности общественной службы: он вовсе не должен быть учителем или публицистом, проповедником или трибуном. В общей культурной экономии его значение определяется тем, что он своими образами фиксирует смутно и бегло переживаемые нами идеи и ощущения: мы даем ему уголь, а он отдает нам алмаз. Как искусство, поэзия имеет три характерных черты: во-первых, она универсальна - на пир поэзии придет и царь, и убогий, и старый и малый, и слепой и глухой - для глухого поэзия будет живописью, для слепого - музыкой; во-вторых, поэзия дает чисто интеллектуальные впечатления; она не дает непосредственного наслаждения, как музыка и скульптура; чтобы наслаждаться ею, надо думать; в-третьих? поэзия есть самое субъективное из искусств. Живописец дает картину, музыкант - сонату, создания, объективно познаваемые и объективно прекрасные. Поэт отдает нам с произведением свою душу: я вижу его мысли, как ни объективирую он их в художественной форме. Творческая работа (превращение угля в алмаз) - психологически процесс еще не объясненный. Странно, что признания поэтов, например только что скончавшегося Гончарова, не уяснили, а скорее затемнили дело. Одно безусловно, что это труд, и иногда мучительный.

Ценой томительных забот
Он покупает неба звуки -
Он даром слова не берет {12}, -

сказал Лермонтов про поэта. Я не говорю уже о внутренней добумажной работе: черновые рукописи обыкновенно полны поправок, а бросание в огонь неудачных набросков вошло в привычку. Можно с уверенностью сказать, что высокое поэтическое создание никогда не выходило готовым ни из головы Зевса, ни из пены моря {13} - это скорее феникс, вечно возрождающийся из пепла. Огонь пожрал вторую часть "Мертвых душ", но, кто знает, сколько поэтических созданий возродил он в форме, более близкой к идеалу поэта.